

Ю.Е. ГАЛЯМИНА*

МЫ – ОНИ: КАК В ДИСКУРСЕ ВЛАДИМИРА ПУТИНА РАЗНЫХ ЛЕТ КОНСТРУИРУЕТСЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию динамики конструирования базовой социальной дихотомии «свой – чужой» в дискурсе Владимира Путина. Показано, что если в начале своего правления Путин выступал от имени правительства, то затем он взял на себя роль представителя всей нации. Что касается образа врага, то в итоге в качестве такового были выбраны США и «пятая колонна».

Ключевые слова: политический дискурс; социальная роль; социальное конструирование; дихотомия.

J. Ye. Galiamina

We – they: How identity is constructed in Vladimir Putin's discourse in different years

Abstract. The article tells about the dynamics of discourse constructing the basic social dichotomy «we – they» in Vladimir Putin's speech. It shows that in the beginning he spoke as a part of «government», but since 2014 he has been speaking as a spokesman of the nation. As about «enemy», the USA and «the fifth column» play this role today.

Keywords: political discourse; social role; social construction; dichotomy.

---

* **Галиямина Юлия Евгеньевна**, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М.В. Ломоносова, преподаватель Школы лингвистики НИУ ВШЭ, e-mail: jugjug@yandex.ru

Galiamina Julia, M.V. Lomonosov Moscow State University, Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: jugjug@yandex.ru

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

Введение

Дискурсивное поведение президента РФ Владимир Путина дает богатый и доступный материал для исследователя, работающего в области политического дискурса-анализа и политической семиотики.

В начале первого президентского срока Путина Россия была политически и экономически интегрирована в остальной глобальный мир. Сегодня наша страна находится в состоянии изоляции и конфронтации со многими странами. Кроме того, серьезный раскол назрел внутри страны. Можно предположить, что все эти социальные и политические явления конструировались с помощью речевых механизмов.

В контексте описанных процессов важную роль играет базовая семиотическая дихотомия «свой – чужой» в дискурсе лица, играющего социальную роль лидера государства. Ю.С. Степанов относил эту оппозицию к архитипическим константам, определяющим человеческую картину мира вне зависимости от пространства и времени наряду с метафорами «верх – низ», «жизнь – смерть», «зима – лето», «ночь – день» [Степанов, 1997; Маслова, 1997; Osborn, 1967]. Референтное наполнение оппозиции «свой – чужой» создает векторы ориентации в политической картине мира, которую конструирует и транслирует гражданам политическое руководство страны [Шейгал, 2004].

Интерес к реализации этой дихотомии в политическом дискурсе современной России проявляется во множестве исследований, в том числе касающихся Владимира Путина [Васильев, 2015; Балашова, 2014], однако нам неизвестны исследования, в которых прослеживалась бы диахрония конструирования дискурса в рамках рассматриваемой дихотомии на протяжении всего срока нахождения В. Путина у власти.

В этой статье мы хотим проследить дискурсивную динамику языковой личности Путина в его социальной роли первого лица государства в аспекте конструирования политической ориентации участников и идентичности «своих» и «чужих». Мы предполагаем, что изменение политической ситуации в России и в мире напрямую коррелирует с изменением дихотомии «своих» и «чужих» в его дискурсе. В то же время перед нами стоит задача отделения личностного, спонтанного дискурса от специально заготовленного, сконструированного. Динамика построения идентичности в сконструированных текстах может отличаться от того, что наблюдается

в более спонтанной речи. Наша цель связана скорее с изучением сознательной организации политического процесса, чем с анализом психологического портрета конкретной личности, пусть и выступающей в роли президента.

Как известно, язык имеет несколько специфических знаков, которые более других направлены на маркирование ориентации. Одним из специальных средств экспликации оппозиции «свой – чужой» считаются личные местоимения, и прежде всего – местоимения первого лица множественного числа [Михалева, 2009, с. 83]. Местоимение «мы» в силу своей дейкисисной природы позволяет в речи конструировать новые коллективные идентичности через отношение к говорящему. Этому же способствует и то, что местоимение «мы» может употребляться в двух значениях: мы-инклюзивное и мы-эксклюзивное, которые различаются включением собеседников говорящего в его коллективное «мы» или исключением из него.

В эксклюзивном значении местоимение «мы» противопоставлено местоимению второго лица множественного числа «вы». Однако мы предполагаем, что использование местоимения «вы» по отношению к оппонентам вряд ли будет частотным. Можно предположить, что это связано с низким уровнем диалогичности современного политического дискурса, отсутствием в ней открытой демократической процедуры диалога (сам президент Путин никогда не участвует в дебатах, даже в предвыборный период).

Однако в настоящей работе речь пойдет о другом местоимении, которое не имеет дейктического статуса. Дихотомию «свой – чужой» нередко представляют в форме «мы – они», в которой не так сильно подчеркнута агональность, однако фиксируется разница ориентации.

Здесь стоит подчеркнуть диссимметрию между маркированием двух членов оппозиции, которая отражается и на выборе объекта исследования. Обозначение «своих» в языке более грамматикализовано, чем обозначение «чужих». Именно поэтому в качестве маркера групповой идентичности в исследовании рассматривается местоимение «мы» в соотнесении с тем референтом, на которого оно указывает. Что же касается идеи «чужих», то местоимение «они» в заголовке статьи носит скорее метонимический характер, так как мы будем исследовать все указания на «чужих» – вне зависимости от средства маркировки референтов, относящихся к этой группе.

Надо повторить, что «свои» определяются по отношению к говорящему – т.е. Путину. Для концентрации на специально сконструированном дискурсе будет также проанализировано использование местоимения «я». Нас будет интересовать диахроническое количественное и качественное изменение в употреблении местоимений первого лица и качественное изменение в употреблении слов, обозначающих «чужих»¹. Очевидно, что для точного понимания подобной референции необходимо привлечение более широкого контекста, находящегося за пределами анализируемого.

В тех же целях корпус текстов, послуживших материалом исследования, будет состоять из текстов разного жанра (для отделения политтехнологического конструкта от спонтанной речи и определения уровня диалогичности речи):

– послание президента Федеральному собранию Российской Федерации;

– выступление на параде в честь Дня Победы;

– ответы на вопросы на ежегодной пресс-конференции².

Для определения динамики, связанной с общим количеством лет, проведенных у власти, и этапом избирательного цикла, будут исследованы тексты, относящиеся к разным периодам:

– первый год после избрания (2000, 2012)³;

– третий год после избрания (2006, 2014).

Наша задача – выявить количественные и качественные характеристики употребления местоимений «я», «мы», «вы» и «они» по отношению к политическим сторонникам и оппонентам. Исследование проведено с применением методов количественного и качественного контент-анализа.

Характеристика корпуса

В итоговый корпус вошли 12 текстов разной длины (самые короткие тексты – выступления на Параде Победы, самые длинные – пресс-конференции). Используется только непосредственно речь Владимира Путина, удалены комментарии редакторов сайта, вы-

---

¹ В случае с «они» мы будем различать анафорическое и референтное употребление. См. ниже.

² Все тексты взяты с сайта президента kremlin.ru.

³ Одна пресс-конференция 2001, а не 2000 г.

ступления других лиц и вопросы (это касается, прежде всего, расшифровок пресс-конференций).

Тексты различаются не только количественно, но и качественно. Однако все они относятся к институализированным жанрам, степень дискурсивной свободы говорящего в которых, впрочем, различается. Это связано с функциональностью, заложенной в жанрах этих текстов, и прежде всего – уровнем их ритуализированности, которая, в свою очередь, накладывает ограничения на спонтанность.

Так, речь на параде обладает наибольшими ограничениями в стилистике и содержании, связанными с выполняемыми ритуальными функциями. Однако сама тема – победа в войне – задает метафорические рамки, в которые органично вписывается идея конструирования «своих» и «чужих». В этом смысле послание к Федеральному Собранию, являясь и менее институционализированным жанром по своему содержанию (оно задает стратегические рамки развития страны, но говорящий может сам выбрать приоритетные темы), дает, однако, меньше поводов конструировать идентичности, так как выстраивание образа «своего» и «чужого» в стратегических текстах не задано жанром.

Самым свободным, спонтанным можно назвать жанр пресс-конференции, где вопросный ряд (несмотря на то что вопросы отбираются заранее) наиболее непредсказуем, ведь именно он задает общее содержание высказывания.

Кроме того, как отмечалось выше, отобранные тексты отличаются по степени диалогичности. Несмотря на то что формально все три жанра устные и имеют непосредственных адресатов, находящихся в одном пространстве с адресантом, очевидно, что реальная их диалогичность неодинакова.

Наименее диалогичен жанр речи на параде. Хотя в этом акте коммуникации есть непосредственные слушатели, которые находятся на Красной площади, аудитория, к которой обращается президент, намного шире: она не ограничивается только гражданами России, но может включать граждан бывшего СССР и других народов – участников антифашистской коалиции. Впрочем, и непосредственные адресаты коммуникации, и адресаты-наблюдатели (термин Е.И. Шейгал [Шейгал, 2004]) не имеют возможности высказать свою позицию. В такой ситуации диалогичность полностью исключена, речь полностью монологична, однако выстраивание пространства смыслов может идти в рамках заочного диалога со сконструированным оппонентом. Приведем пример:

(1) «Мы всегда будем беречь эту священную, немеркнущую правду, не допустим предательства и забвения героев, всех, кто, не жалея себя, сохранил мир на планете» (Речь на Параде Победы 9 мая 2014 г.) [Путин, 2014 б].

Здесь мы наблюдаем косвенную диалогичность – полемику с неназванными политическими силами, которые пытаются «предать забвению... правду».

В этом смысле жанр послания к Федеральному собранию предполагает более четкого институционализированного адресата, упомянутого в названии жанра. Однако и у послания есть адресат-наблюдатель, который, впрочем, в большей степени обладает признаками косвенного адресата, чем в случае с речью на параде. По мнению Шейгал [Шейгал, 2004], адресат-наблюдатель отличается от косвенного адресата тем, что обращение к последнему не заложено в интенции адресанта. В случае с посланием речь официально должна идти о косвенном адресате, однако в узуальной институционализации мы видим больше адресата-наблюдателя, так как послание становится важным информационным поводом для большинства СМИ. Несмотря на непосредственный контакт адресата с адресантом и потенциальную возможность разделенной во времени полемики, на деле депутаты и сенаторы в нее не вступают.

В этом смысле, как говорилось выше, пресс-конференция по определению является наиболее диалогичным жанром. В нем прямой адресат представляет более широкую аудиторию, а сама аудитория становится косвенным адресантом, поскольку внимание говорящего не сосредоточено на прямом адресате.

Всего в корпусе 92 353 словоформы. Из них 2276 местоимений *мы* (2,5%) и 995 местоимений *я* (1,1%). Данные по местоимению *вы* в нашем контексте нерелевантны, так как рассматриваемые жанры не предполагают обращения к «чужим» напрямую. Количественная информация по местоимению *они* не дает никакой информации, так как это местоимение может выражать анафору, которая служит для связности текста, а не для референции «чужих». Местоимение *они* в заглавии статьи используется скорее как метафора экспликации «чужого», нежели как реальный механизм конструирования образа.

Количественный анализ

Проведем количественный анализ употребления местоимений первого лица в соответствии с классификацией текстов по времени и по жанрам. В таблице 1 представлены данные об употреблении местоимений первого лица в анализируемых текстах.

Таблица 1

Употребление местоимений «мы» и «я» в выступлениях В. Путина

Послание к ФС	Общее число слов	«МЫ»		«Я»	
		Число употреблений	Процент от общего числа слов	Число употреблений	Процент от общего числа слов
2000	5146	94	1,8	22	0,4
2006	6533	137	2,1	10	0,2
2012	9165	200	2,2	37	0,4
2014	7028	146	2,1	8	0,1
Пресс-конференция					
2001	7700	177	2,3	119	1,6
2006	16230	457	2,8	167	1,0
2012	23033	573	2,5	447	1,9
2014	15953	428	2,7	183	1,2
Речь на Параде Победы					
2000	239	22	9,2	1	0,4
2006	464	15	3,2	1	0,2
2012	468	11	2,4	0	0
2014	394	16	4,1	0	0

Как видим, что на пресс-конференциях Путин чаще, чем в других текстах употребляет местоимение *я*. Здесь он в большей степени выступает как личность, а не в своей институционализированной социальной роли. Местоимение *мы* используется примерно с той же частотой, что и в послании.

В первый год своего президентства (2000) Владимир Путин относительно редко употребляет местоимение *мы*. Можно предположить, что выстраивание коллективной идентичности тогда еще

не было целью Путина, который только осваивался в новой роли и, похоже, не решался говорить от имени некой социальной группы.

Исключение составляет речь на Параде Победы, где местоимение *мы* употребляется гораздо чаще, чем на пресс-конференциях и в посланиях. Это связано с жанровыми особенностями текстов, в которых функция выстраивания идентичности и интеграции является одной из основных.

Можно заметить еще одну особенность: в текстах, которые были созданы в первый год после выборов, местоимение *я* употребляется в два раза чаще, чем в текстах того же жанра, созданных на третий год президентства. Судя по всему длительное пребывание на посту президента приводит к тому, что социальная роль начинает проявляться в текстах в большей степени, чем личность.

Кто такие «мы»?

Для качественного анализа употребления местоимения *мы* мы выяснили референцию каждого вхождения местоимения (таблица 2).

Таблица 2

Референты местоимения «мы» в выступлениях В. Путина

	Речь на параде	Послание ФС	Пресс-конференция
2000 2001	Народ России Народы СНГ	Правительство Федеральное собрание	Правительство Государство Страна Федеральный центр
2006	Народ России	Власть как единство всех ветвей	Правительство Государство Общество Весь мир
2012	Народ России Государство Весь мир	Власть (как единство) Страна (как единая совокупность)	Правительство Государство Страна СНГ
2014	Народ России (преемник советского народа)	Государство (как один из участников мирового процесса) Нация (единый субъект)	Правительство Государство Страна

Речи на Параде Победы обращены не только к присутствующим, но и ко всем гражданам России. В связи с этим, как видно из

таблицы, в них наблюдается только инклюзивное *мы*, расширяющее референт в связи с изменением адресата. Так, например, в 2012 г. Путин обращается не только к российскому народу, но и ко всему человечеству:

(2) «Человечеству пришлось заплатить за это непомерную цену. Но произошло в конце концов то, что и должно было неизбежно произойти: возобладали ответственность и общая решимость победить зло. Перед врагом встали силы единой антигитлеровской коалиции. И мы отдаем дань уважения государствам, которые внесли огромный вклад в разгром общего жестокого врага.

Все мы обязаны помнить, почему началась война, и анализировать ее уроки, ведь они по-прежнему актуальны. И сегодня хочу подчеркнуть: строгое соблюдение международных норм, уважение государственного суверенитета и самостоятельного выбора каждого народа – это одна из безусловных гарантий того, что трагедия прошедшей войны никогда больше не повторится» [Путин, 2012 а].

Здесь выражение «все мы» имеет референтом «человечество», упомянутое в первом абзаце. Путин, в отличие от предыдущих лет, строит свою идентификацию через отношение ко всему человечеству. Однако после событий марта 2014 г., когда произошел явный переход к стратегии изоляции, апелляция к миру как к коллективному «мы» исчезает.

В личностном дискурсе на пресс-конференциях у Путина появляется идентичность, которая отсутствует в более ритуализированных жанрах, – правительство, исполнительная власть. Интересно, что такая идентичность отсутствует в подготовленных, неспонтанных текстах послания к Федеральному собранию, за исключением кроме самого первого из них. По идее, коммуникативная ситуация, которая официально стоит за посланием, – обращение исполнительной власти к законодательной. Однако на лексическом уровне такая ситуация в последующие анализируемые годы перестает отражаться в текстах.

Вообще в плане конструирования идентичности Владимира Путина как президента тексты послания наиболее интересны, поскольку в них, с одной стороны, нет таких жанровых ограничений, как в речах на парадах, а с другой – сконструированный дискурс не размывается спонтанной речью, а значит, полностью отражает установки по конструированию идентичности президента как со-

циальной и политической роли. Послания также интересны и тем, что в них наблюдается динамика этого конструирования, отражающаяся на референции местоимения «мы».

В связи с этим интересно проследить, какая именно референция маркируется в коммуникативно выделенных позициях начала и конца текста.

Таблица 3

**Референты местоимения «мы»
в посланиях В. Путина Федеральному собранию**

Послание Федеральному Собранию	Начало и конец текста
2000	Правительство + Федеральное собрание
2006	Власть
2012	Страна
2014	Нация

Эта таблица наиболее полно отражает динамику конструирования идентичности президента России за весь срок его пребывания у власти, а соответственно, и всю неформальную, юридически не закрепленную конструкцию политической системы России путинского периода. В послании 2000 г. появление Федерального собрания в референтном статусе местоимения *мы* имеет инклюзивное значение «мы с вами». Однако затем разделение на исполнительную и законодательную власть в дискурсе исчезает, и Путин начинает говорить от лица власти в целом. Это полностью соответствует политическим процессам, которые происходили в тот период (2006). После событий в Беслане (2004) начинают активно уничтожаться институт разделения властей и институт федеративности. Государственная дума фактически перестает быть самостоятельным органом власти, отменяются выборы губернаторов.

Однако в более поздних посланиях расширяется идентичность президента – не просто представитель недискретной власти, а представитель страны, а затем и нации (общества и государства в их единстве).

(3) Послание 2000: *«Несмотря на должностные различия, у всех нас есть общий долг»* [Путин, 2000 б].

(4) Послание 2006: *«Есть огромный потенциал, который надо эффективно реализовать для улучшения жизни людей. Аплодисменты.»* Без сомнения, **мы** видим масштаб предстоящей ра-

боты. Уверен, мы с этой работой справимся. *«Аплудисменты.»*» [Путин, 2006 б].

(5) Послание 2012: *«У нас в стране исторически сформировалось отношение к жизни таким образом, что **мы живем для будущего, для детей.** Это, конечно, очень важная и благородная задача и цель. Но выглядит так, что собственная сегодняшняя благополучная жизнь все время откладывается, откладывается и откладывается на потом. И так у нас было практически всегда, из поколения в поколение. <...> Пришло время кардинально изменить ситуацию к лучшему уже сейчас. Мы делаем это, и мы можем это делать»* [Путин, 2012 б].

(6) Послание 2014: *«Сегодняшнее Послание будет, разумеется, соответствовать и времени, и условиям, в которых мы живем, тем задачам, которые перед нами стоят. Но прежде всего хочу поблагодарить всех вас за поддержку, за единение и солидарность в судьбоносные моменты, когда решается очень многое для будущего нашей страны.*

В этом году мы вместе прошли через испытания, которые по плечу только зрелой, сплоченной нации, по-настоящему суверенному и сильному государству. Россия на деле доказала, что способна защитить соотечественников, с честью отстаивать правду и справедливость» [Путин, 2014 с].

(7) Послание 2014: *«Закончу сегодняшнее Послание тем, с чего и начал. В этом году, как это не раз бывало в судьбоносные моменты истории, наш народ ярко продемонстрировал и национальный подъем, и жизненную стойкость, и патриотизм. А сложности, с которыми мы сталкиваемся, создают для нас и новые возможности. Мы готовы принять любой вызов времени и победить»* [Путин, 2014 с].

Итак, за 14 лет происходит сознательное изменение идентичности президента: из человека, говорящего от имени исполнительной власти, он превращается в человека, говорящего от имени нации.

Кто такие «они»?

Практически в каждом из исследуемых текстов можно найти упоминание «чужих». Часто указание на них дается с агональной окраской, переводящей их из разряда «несвоих» в разряд врагов.

Только в речи на Параде Победы 2000 г. мы не находим таких упоминаний. Все последующие тексты этого жанра уже полностью нацелены на создание не только образа «своих», но и образа «чужих».

(8) Речь на параде 2006 г.: *«Те, кто вновь пытается поднять повергнутые стяги нацизма, кто сеет расовую вражду, экстремизм, ксенофобию, ведут мир в тупик, к бессмысленным кровопролитиям и жестокости»* [Путин, 2006 а].

Этот пассаж полностью отражает тогдашнюю установку на борьбу с национализмом, которая, в частности, вылилась в создание «антифашистского» движения «Наши». Речь становится частью общего дискурса по созданию образа врага в виде «националистов» [Колесников, 2006].

Речь на параде 2012 г.: (9) *«И сегодня хочу подчеркнуть: строгое соблюдение международных норм, уважение государственного суверенитета и самостоятельного выбора каждого народа – это одна из безусловных гарантий того, что трагедия прошедшей войны никогда больше не повторится»* [Путин, 2012 а].

Здесь под «чужими» понимаются силы, которые не соблюдают международные нормы. Референтно они не определены, однако можно предположить, что имеются в виду США, которые в то время фигурировали в дискурсе Путина как сторонники создания однополярного мира. Это подтверждается и другими текстами того же периода.

(10) Речь на параде 2014 г.: *см. пример (1)*.

В этом тексте «чужой» также не имеет четкой референции, однако имеются в виду и внешние, и внутренние враги – именно в этот период обсуждается законопроект против фальсификации истории. За два месяца до произнесения речи к России был присоединен Крым, что легитимизировалось именно отсылками к истории, в частности – к роли украинских националистов в Великой Отечественной войне. Тема истории как маркера своих и чужих стала таким образом чрезвычайно актуальной [Аншаков, 2014].

В двух других типах текстов мы наблюдаем следующую динамику маркирования «чужих».

Можно отметить определенную динамику в конструировании образа врага – внешнего и внутреннего. Образ внешнего врага проходит путь от неких «сил с геополитическими целями» с неопределенной референтностью к образу США, а затем к советскому образу «Запада» в целом. Неопределенность референции в начале срока президентства

Путина свидетельствует о табу на маркировку врага, образ которого тем не менее существует в сознании носителя дискурса и его адресата.

Таблица 4

Динамика маркирования «чужих» в речах В. Путина

Год	«Они»
2000	Силы с геополитическими целями Боевики-фундаменталисты
2006	США Неонацисты Исламские фундаменталисты Наследники 90-х
2012	США Националисты-экстремисты Непримиримая оппозиция из 90-х
2014	США Запад в целом Сепаратисты и террористы «Пятая колонна»

Процесс конструирования внутреннего врага еще более интересен: он полностью коррелирует с происходящими в стране политическими процессами.

Начало 2000-х знаменуется войной в Чечне, которая связана с образом врага как боевика исламистского толка. В середине 2000-х, когда начинается процесс примирения с кавказскими республиками, на сцену выводятся два новых персонажа – упомянутый уже «националист» и «наследник 90-х», – символизирующие два крыла формирующейся оппозиции Владимиру Путину – националистическое и либеральное. Интересно, что в левые движения и партии, которые тоже активно участвуют в оппозиционной деятельности, не маркируются в дискурсе Путина в качестве «чужих». Это, по всей видимости, связано с желанием режима перехватить левую повестку и представить себя наследником СССР.

К 2014 г. дискурс о внутреннем враге приобретает черты, свойственные советскому периоду, откуда заимствуется базовая метафора «пятой колонны». В этом образе смыкаются внутренний и внешний враг, так как «пятая колонна» – это образ внешнего «чужого», который проник внутрь общности «свои». Националисты и исламисты перестают быть актуальными образами, на их

место приходят поддерживаемые Западом северокавказские сепаратисты и террористы. Повторяется механизм, который мы наблюдаем в отношении к левым. Действующая власть перехватывает дискурс имперских националистов, с одной стороны, и вовлекает в этот дискурс власти кавказских республик, прежде всего Чечни. Все это требует удаления из дискурса имперских националистов и исламистов как врагов.

Заключение

Дискурс Владимира Путина дает хорошую основу для применения семиотической методике анализа социально-политического конструирования через экспликацию базовой дихотомии «свой – чужой». Путин конструирует новую конфигурацию идентичности, меняет референтный, а затем и денотативный статус своего *мы*. Если в начале своего правления он говорит от имени правительства, то к 2014 г. в конце – от имени нации. Однако такая ситуация прослеживается только в полностью сконструированном дискурсе. В более спонтанной речи наблюдается сохранение идентичности исполнительной власти.

Конструирование «чужих» проходит путь от табуированности внешнего врага к его прямому называнию в духе советского дискурса. Возвращение к советскому дискурсу наблюдается и при создании образа внутреннего врага. При этом к 2014 г. в дискурсе исключается упоминание в качестве врагов левых, националистических и исламистских сил, так как эти образы, по мнению авторов политического конструкта, должны влиться в образ власти. Основным внутренним врагом остается либеральная оппозиция, которая смыкается с внешним врагом в образе «пятой колонны».

Список литературы

- Анишаков М.* Историческая справедливость и юридические аспекты крымской авантюры // Эхо Москвы. – М., 2014. – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/anshakov/1305558-echo/> (Дата посещения: 11.04.2016.)
- Балашова Л.В.* Реализация концептов «Свой – чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI века // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2014. – № 1 (47). – С. 40–50.

- Васильев А.Д.* Свои и чужие в контексте программы «Прямая линия с Владимиром Путиным» (2014 г.) // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2015. – № 4 (54). – С. 18–24.
- Колесников А.* Борьба нанайских мальчиков с «фашизмом» // РИА «Новости». – М., 2006. – 28 июня. – Режим доступа: <http://ria.ru/authors/20060628/50578117.html> (Дата посещения: 11.04.2016.)
- Маслова В.А.* Введение в культурологию. – М.: Наследие, 1997. – 206 с.
- Михалева О.Л.* Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. – М.: URSS, 2009. – 256 с.
- Путин В.В.* Большая пресс-конференция Владимира Путина // Президент России. – М., 2014 а. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/47250 (Дата посещения: 11.04.2016.)
- Путин В.В.* Военный парад в честь 67-й годовщины Великой Победы // Президент России. – М., 2012 а. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/15271> (Дата посещения: 11.04.2016.)
- Путин В.В.* Выступление на военном параде в честь 61-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. – М., 2006 а.– Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23576> (Дата посещения: 11.04.2016.)
- Путин В.В.* Выступление на параде, посвященном 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. – М., 2000 а. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21421> (Дата посещения: 11.04.2016.)
- Путин В.В.* Парад Победы на Красной площади // Президент России. – М., 2014 б. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/20989> (Дата посещения: 11.04.2016.)
- Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – М., 2014 с. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/47173> (Дата посещения: 11.04.2016.)
- Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – М., 2012 б. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/17118> (Дата посещения: 11.04.2016.)
- Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. – М., 2006 б. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23577> (Дата посещения: 11.04.2016.)
- Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. – М., 2000 б. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> (Дата посещения: 11.04.2016.)
- Путин В.В.* Пресс-конференция Владимира Путина // Президент России. – М., 2012 с. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/17173 (Дата посещения: 11.04.2016.)
- Путин В.В.* Стенограмма пресс-конференции для российских и иностранных журналистов // Президент России. – М., 2006 с. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23412> (Дата посещения: 11.04.2016.)

Путин В.В. Стенографический отчет о расширенной пресс-конференции для российских и иностранных журналистов // Президент России. – М., 2001. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21291> (Дата посещения: 11.04.2016.)

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культура. – М.: ЯРК, 1997. – 824 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.

Osborn M. Archetypal metaphor in rhetoric: The light-dark family // Quarterly journal of speech. – Falls Church, Va., 1967. – N 53 (2). – P. 115–126.